

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

АМИН РЕЙХАНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Ароматом ливанских долин веет имя Рейхани. Пахучее растение — базилику называют арабы «рейханою», от нее получила свое начало и фамилия Амина. Гармонирует это благоуханное имя с воспоминанием о долине аль-Фурейке, сирийской родине Амина, но как-то странно видеть подпись Рейхани под статьей в нью-йоркской газете. Еще более странно читать его фамилию крупными буквами на афише в списке ораторов политического митинга в Бейруте.

В этих странных сочетаниях отражение всей ново-арабской литературы. Войны и смуты в Сирии и Египте вскормили ее, биржевая игра и спекуляция на хлопке не задушили ее развития в шельской долине. Творцов и деятелей этой литературы увидели и фабричные трубы Манчестера и многоэтажные конторы Нью-Йорка. Гордые своим прогрессом европейцы и американцы не успели взглянуть в новые выходы с востока, в этих «левантинцев», конкуренцию которых они иногда старались пресечь запретительными законами о въезде эмигрантов. Они не подозревали, что эти мелкие торговцы — часто люди глубокой мысли, пытливым взором проникающие в самые недра новой цивилизации. Они и здесь ищут того единого, что на потребу человеку — ответа на духовные запросы и часто не выносят ничего, кроме горького разочарования и сурового осуждения.

И Амина Рейхани судьба жестоко кидала. После Сирии — Париж, Лондон, Америка — затем Бейрут в эпоху расцвета надежд после турецкой революции 1908-1909 года, — опять Англия и Америка, но уже с разбитыми надеждами — и, как долгий кошмарный финал, мировая война, истерзавшая и родину-страдалцу. И журнальная деятельность, и политические выступления, и театральные подмошки — через все это прошел Рейхани, но не вынес он мира отсюда для своей души. Темперамент бойца и деятеля чужд ему; все попытки выступлений кончались разочарованием и вызвали только порыв бежать от людей к природе. Его «стихотворения в прозе» яркий дневник всех исканий и горестей, а среди них «Ветка розы» — лучшая его автобиография, переходящая местами в трагедию глубокой, много пережившей души.

Боевые и бойкие ноты часто звучат в творчестве Рейхани: он воспекает революцию, зовет к братству людей, но все же для его облика характерны не эти могучие тона. В одном из своих эскизов природы он рисует «благочестивую ромашку», которая живет под случайной защитой двух камней на проезжей дороге, цветет и благоухает скрытая от копыт животных и ног прохожих. И мне кажется, что этот образ олицетворяет его самого: и в грохоте американской жизни, и в шуме переворотов на родине

Разве не дошла к ним повесть о Риме? — в тот день, когда
 Цезарь восхитился порфирой и протянул руку за скипетром?
 И вдруг пал он под кинжалами свободолюбивых того времени, — убит,
 ничтожен, изранен.

Горе в день тот тиранам!

* * *

Разве не рассказали мы им историю Парижа?

— В тот день, как сокрушилась Бастилия и протестовали узники,

— В тот день, как отсекли голову королю Людовику;

И пали головы французских вельмож и бежали тираны и властители пред
 ликом ужасов Парижа?

Горе в день тот тиранам.

* * *

...И весть об англичанах?

— В тот день, когда они присягнули пивоторговцу и сказали: «Это славный
 вождь!»

— В тот день, когда трактирщик созвал народ, а король мнил себя под
 надежной защитой?

Но вдруг слабые стали могучи, а король Карл унижен, низвергнут и на
 виселице взывает о помощи.

Горе в день тот тиранам от всех тигров мятежных, угнетенных!

Горе в день тот развратителям от светлой победы красных знамен!

* * *

...И весть о новом мире?

Разве они не видели пламени печи в новом мире, куда ввергнуты были
 все угнетатели, тираны,

где сжигалась порфира и плавилась железные венцы,

— Где освобождались рабы и умирали тысячи людей ради этих черных
 несчастных,

— Где униженный восстал на величавшегося, а презренный на тирана
 упорствующего.

Горе в день тот тиранам! В тот день Бог воздаст поработенным!

* * *

И будет освобождена в народах власть скрытого духа; от пламени его
 запыхают вулканы.

В святилищах восстанет «дух верный» — душа всякого вождя, правдивого,
 верного.

В тот день будет вручен обиженному меч обидчика согрешившего.

И даст он вкусить развратителям зной мучительного наказания, — на этой
 земле, а не в геенне.

Горе в день тот тиранам от всех тигров мятежных, угнетенных!

Горе в день тот развратителям от светлой победы красных знамен!

II

ВЕТКА РОЗЫ

В далеких городах я мчался на своей страсти, опустив ей поводья.
 В садах на чужбине посеял я свою любовь, и зацвела она прежде срока.
 Посеял ее в земле темной, нетропутой, и плакали над ней цветы времени.
 Бросал я зерна своей любви горстями и направо, и налево.

*
 *
 *

Бросал в долинах свободы, и спалил их зной анархии, растоптали ноги одичания.

Бросал их на вершинах знания, и засушил холод ростки, а ветер раздора унес остатки, не знаю куда.

Бросал их на берегах спокойной реки философии, и завяли они в густой тени, — умерли, потому что не видели лучей солнца.

Посеял я любовь свою в болотистой чаще культуры, и пролили кровь ее шипы, задушил ее дикий терновник, убили ядовитые травы.

Посеял ее в земле любимых и друзей, и умерла она от водянки в тряспнах лжи и лицемерия.

Посеял ее на полях торговли против мельниц цивилизации, между домом менялы и священника; оба они растоптали ее, а на сердце положили плиту, как мостовую для воров,

— для тех воров, которые едят и пьют с судьями.

Пошел я с любовью своей к беднякам и несчастным; посеял на их голой земле, но не выросла она.

Посеял я ее перед домом матери их поселка: она ее вырвала и бросила мне в лицо со словами: «Ступай своей дорогой! Приходили к нам и до тебя обманщики, но их убили, распяли, сожгли. Мы требуем права и справедливости, а не утешения и милости».

Прошел я через квартал бедняков в пещеры воров и злодеев, к отверженным и ненавидимым.

Я пошел и посадил среди них свежую ветку своей любви; прожила она недолго больной и умерла, не достигнув расцвета.

В мрачных пучинах отчаяния отверженных скончала она свою жизнь; дым богохульства отступников ослепил ее. Задушило ее зловоние мерзости разбойников и убийц; завернул ее в саван проклятья развратник, и над трупом ее изрыгала брань из своих уст развратница.

Покинул я города и тот город; поплыл по морям.

На водах я рассыпал свою любовь, как солнце июля рассыпает алмазы и жемчуг.

Рассыпал ее утром — и волны меняли свой цвет от страсти к ней; рассыпал вечером — и небосклон пылал от ее огней.

Заговорила моя любовь с облаком — и ответило оно; позвала море — и откликнулось оно.

Своими перстами коснулась любовь моя горизонта, — и задрожал он и заволновался, радостно пылая.

*
 *
 *

На заре весеннего дня послал я любовь ходоком в новую землю; она ушла и не вернулась ко мне.

Звал я ее с вершин Ливана, но она не ответила мне.

Искал я ее у горизонта и за ним, на востоке солнца и на западе, но не нашел.

Второй раз оставил я свою любовь бродить без дороги.

И второй раз помчалась она на своей страсти, бросив меня сокрушаться и тосковать по ней. Горе мне! Горе ей!

* * *

На родине своей, в стране дедов, в земле, которая издревле вкусила сладость удара заступом сильного человека — посадил я ветку свежей розы.

Посадил я ее, надежда меня ободряла, а решимость связывала мои уста.

Посадил я ее в дорогом месте, под надежной охраной, далеко от культуры и людей. Мне теперь все равно, оглохнут уши их или откроются.

Не смутит меня, если сердца их окаменеют, или станут грязью, или потекут ручейком воды.

Ты, земля, — моя мать, и возрадуюсь я в тот день, когда прижмешь ты меня к сердцу, как прижимаешь теперь ветку, которую я сажу.

Ты, земля, вечно жива; ты вечно чревата и вечно рождаешь.

Какова бы ни стала твоя внешность, чувства к тебе не умирают; огонь в сердце твоём не гаснет.

Осень снимает завесу с твоих ушей, зима размягчает сердце твое, а весна движет твой язык, и лето показывает тебе плод внутренностей твоих.

Кто красноречивее тебя весной? Кто щедрее тебя летом?

Кто величественнее тебя в своем волнении и чувстве зимой? Кто внимательнее тебя осенью?

Кто милосерднее тебя, земля? Кто нежнее и сострадательнее и кротче?

От нас припимаешь ты грязь, а нам взамен ее даешь цветы.

Ты вдыхаешь зловоние наших болезней, а нам возвращаешь его ароматом благовония.

Небо проливает тебе кубок чистой воды, человек его грязнит, а ты в воздаяние изливаешь на него свои блага и щедроты.

Земля дедов моих, открой мне теперь свое сердце!

Не будь сурова ко мне, не посмейся над моей надеждой и трудом, не замкни на век от меня зерна мои.

О, земля, тебя рыл мой отец, под твоими деревьями молилась моя мать! Не выдавай же моей надежды скалам, не заноси ее на вершины гор, где умрет она от снега и ураганов.

* * *

На склонах долины, которая повторяла эхо моих криков и пенья в детстве, — в той земле, которую я покинул, раньше чем меня покинула юность, — посадил я ветку свежей розы.

Рукой, не языком, стал я говорить с землей; расчистил ее и взрыл моим маленьким заступом.

Накормил я ее тем черным, что извергают животные, и тем золотистым, что горит в пустыне от поцелуя солнца и тает на морских берегах от поцелуя волн.

Поил я свою ветку водой сердца и закрывал ее от света в первые дни.

Воздвиг я над ней палатки своей любви и страсти, зимой посыпал вокруг увядшие листья осени.

И стал я ожидать ответа земли и ее решения.

Сколько раз я навещал мою ветку и потряхивал в ожидании вестей, но не было заметно на ней следов смерти или признаков жизни.

Сколько раз я присматривался к ней и поворачивал во все стороны взор, добиваясь известий.

Сколько раз я останавливался перед ней, а сердце волновалось то отчаянием, то надеждой.

Благословенна земля дедов моих, благим явилось в глазах ее усердие мое.

Благословенна земля матери моей: она даст мне увидеть розу на ветке моего труда и заботы.

Милостиво земля заговорила со мной. Ответила земля на просьбу мою, повторила земля эхо любви моей. Вот ветка розы зашепетала, как ребенок.

На губах у нее промелькнул звук жизни, а в сердце принесло плод живое слово, которое скатилось потом с моих рук и чела.

В устах у нее маленькая жемчужина, завернутая в золотистую оболочку; завтра утром оболочка станет лазоревой, а жемчужина превратится в свежий нежный изумруд.

А потом изумруд вырастет в зеленую раковину, в сердце которой моря роз невидимые и поколения жизней неисчислимы.

В сердце у нее маленькие влажные листочки, свернувшиеся вокруг слабой свежей жилки, которая не знает еще ни понятия, ни имени шипа.

В сердце у нее ветки, а в сердце веток роза, а в сердце розы семена. а в семенах — бесконечность и вечная жизнь.

*
*

Заговорила со мной земля дедов моих. Воскресила во мне надежду; ж груди своей прижала дитя любви моей и оживила его, готового умереть.

Вдохнула в него свою вечную душу и зашевелился его язык.

Он говорит внушенными ею изречениями любви, красоты, мудрости и надежды. Далеко моему красноречию до нее.

Земля говорит только, чтобы оживить; она обращается с речью, чтобы вырастить цветы и плоды.

За все свое время она не говорила «нет». Если ответ ее был утвердителен, им служило «да», отрицательным бывало вечное молчание.

Все изречения ее прекрасны, все слова возбуждающи, живительны.

О, если бы она научила своих сынов слову плодотворному, оживляющему, прекрасному,

— Или научила бы сынов своих молчанию.

*
*

Я слышу, как земля говорит: «Пусть у тебя будет зернышко веры в меня, пожертвуй мне час работы, и я дам тебе взамен во сто и даже в тысячу раз больше любви и надежды, радости и наслаждения, энергии и бодрости, простой чистой жизни, без которой нет счастья человеку».

* * *

Каждый отросток на ветке розы, что я посадил, это — сладкое слово земли. Это — послание любви от матери к сынам.

Каждый бутон — это узелок бытия, это — одна из тайн жизни.

В какой век родилась ты, роза? Какая земля видела твой первый цветок и вдыхала первое дуновение твоего аромата?

Кто посеял твое первое семя? Кто посадил твой первый отросток?

Первая ветка твоих изначальных ветвей — кто перенес ее с поля в сад, из долины в цветник человека?

О роза дикая, роза тайны, из какой чащи ты появилась? До какой ступени в лестнице растений с шипами ты дошла?

Говорит земля только загадками. Тайн своих земля не доверяет детям своим.

Берегись сетей первопричины, не доискивайся корня вещей.

Услаждай свой взор и душу тем, что видишь и слышишь, а если хочешь войти в храм тайны тайн, то совлеки с себя тело, прежде чем переступишь порог двери.

* * *

Я чувствую дивное страстное наслаждение, созерцая эти новые бутоны, рассматривая их зарождение и рост.

Клянусь Богом, много раз я считал их, как мать считает зубы своего ребенка.

Много раз искал я их, как птицы ищут свои гнезда.

Горевал я, и как горевал! об одном бутоне, что ветры сорвали с ветвей.

Но время радости коротко. Суть вещей тает прежде, чем затвердеть.

* * *

Горе! Стал я бояться приблизиться к розе моей: умножились отростки ее, спутались ветви, окрепли шипы.

Горе! Стал я смотреть на нее не так, как смотрел на появление бутонов и рост ветвей.

Увы мне от розы жизни! Тысячу шипов она мне показывает, прежде чем обвеять хоть раз дуновением своего аромата.

Сто ран она мне нанесет, прежде чем подарит один свой цветок.

Перевел с арабского *И. Ю. Крачковский*

